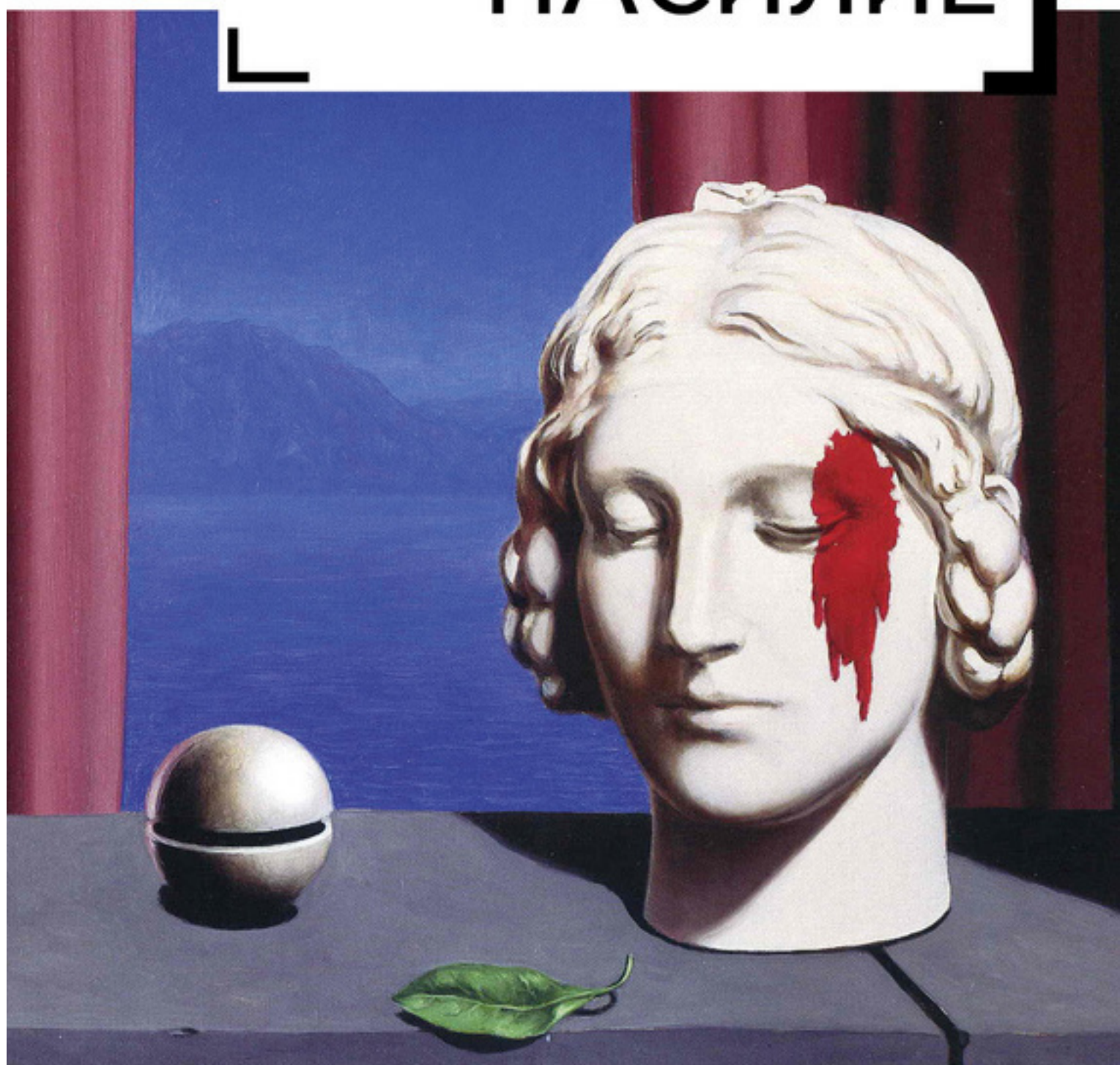

Г Яков
Гилинский

СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ

Яков Гилинский

Социальное насилие

«Алетейя»

2017

УДК 343.9
ББК 67.51

Гилинский Я. И.

Социальное насилие / Я. И. Гилинский — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906910-27-1

Войны и насильственная преступность сопровождают человечество всю его историю и давно служат предметом изучения историков, политологов, юристов, социологов. А вот «воспитательное насилие», экономическое насилие, насилие в спорте, религиозное насилие, насилие государства против своих граждан стали объектом специального исследования лишь в XX веке. В предлагаемой монографии автор высказывает свою точку зрения на социальную природу насилия и его различных проявлений. Книга может представить интерес для философов, политологов, социологов, юристов и всех, интересующихся проблемой насилия в обществе.

УДК 343.9
ББК 67.51

ISBN 978-5-906910-27-1

© Гилинский Я. И., 2017
© Алетейя, 2017

Содержание

Предисловие ко второму изданию	6
Предисловие	7
Часть I. Теория и методология	9
Глава 1. Человек человеку волк?	9
Врожденная агрессивность?	9
Немного физики и «метафизики»	12
Глава 2. Социальное насилие	15
Человеческое, слишком человеческое...	15
Какие бывают «насилия»?	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Я. И. Гилинский

Социальное насилие

© Я. И. Гилинский, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

* * *

Предисловие ко второму изданию

В *Заключении* первого издания этой монографии (2013) я *post scriptum* заметил, что спешил с написанием книги (возраст подгоняет), что тема насилия заслуживает многотомного освещения, что мною были опущены такие важные темы, как насилие в спорте, религии, семье.

Поэтому, поскольку выяснилось, что я еще сколько – то времени проживу, я решил по возможности восполнить пробелы первого издания. Конечно, и это будет далеко не полное. Но если нельзя объять необъятное, то стремиться к этому нужно...

Предисловие

История человечества – история зла на земле.
В. Швебель

Насилие встроено в систему.
Д. Беккер

Вся история человечества – одно сплошное преступление.
А. Макаревич

Насилие – в различных его проявлениях – *неотъемлемая составляющая (элемент) общественного бытия*. Принято считать, что в современном мире наблюдается эскалация насилия. Однако возможно, что такое впечатление (*omnia opinia doctorum!*) объясняется не столько реальным увеличением «массы» насилия, сколько, во-первых, интуитивно осознаваемой угрозой существованию человечества в условиях, когда имеются средства, достаточные для уничтожения всего живого на Земле, а, во-вторых, толерантностью населения цивилизованных стран, чья мораль не приемлет насилия¹. Кроме того, лишь со временем осознается *тотальность* насилия.

Любое государство, любая эпоха – это убийства, насилие, войны, ненависть к «чужим», «другим», «не нашим». Это пытки, казни, тюрьмы. Это восстания, мятежи, революции и их кровавое подавление или террор победителей... «Действительно, само существование человека и общества предполагает прямое или косвенное насилие над объектами природы и общества (включая человека и другие живые существа)...» Более того: «можно утверждать, что насилие личности над собой (не без помощи внешнего контекста) лежит в основе самого существования общества и является неизбежным его атрибутом»².

Социальное насилие носит **системный** характер, оно пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, включая «культурное насилие» (J. Galtung), «воспитательное насилие» (W. Benjamin, N. Luhmann, K. Schorr), «насилие экономики» (N. Luhmann), «структурное насилие» (безличное, когда убивают не конкретные субъекты, а весь социальный строй, J. Galtung), криминальное насилие. Да и само «право поражено насилием» (W. Benjamin). Авторы «Handbook of Violence» рассматривают насилие семейное, домашнее, школьное, насилие молодежи и против детей и молодежи, насилие на рабочем месте (*workplace*)³. В конечном счете, «насилие встроено в систему» (D. Becker). О системном насилии пишет и С. Жижек (S. Žižek), чьи взгляды будут подробнее изложены ниже.

Между тем, в политологической, социологической, юридической, психологической науках не прекращаются дискуссии о самом понятии «насилие», его природе (биологической, психологической, социальной), генезисе, возможностях минимизации.

Только в процессе работы над этой темой автор начал осознавать ее безмерность. *Тотальность и многоликость насилия* в мире людей обуславливает принципиальную невозможность его более или менее полного описания и объяснения. Автор осознает, что тема насилия заслуживает многотомного исследования, а это ему уже не под силу (не по возрасту...). Отсюда – неизбежная неполнота, фрагментарность изложения, несоразмерность отдельных частей, почти отсутствие исторического рассмотрения излагаемых проявлений

---

¹ Hassner P. La violence et la paix. De la bombe atomique au nettoyage ethnique. Edition Esprit, 1995.

² Гиренко Н. М. Морфология, идеология насилия и стратегии выживания. В: Антропология насилия / ред. В. В. Бочаров, В. А. Тишков. СПб: Наука, 2001. С. 90, 91.

³ Rapp – Paglicci L., Roberts A., Wodarski J. (Eds.) Handbook of Violence. John Wiley & Sons, Inc., 2002.

насилия. Между тем, льщу себя надеждой, что эта работа, наряду с трудами других исследователей (В. Беньямин, Й. Галтунг, С. Жижек, Р. Жирар, Н. Луман, Э. Фромм и др.), привлечет внимание российских коллег, прежде всего – молодежи, к углубленному анализу этой воистину жизненно важной проблемы. В частности, как пишет К. Йовайчис, «вечность и неизбежность насилия не исключает, а предполагает необходимость решить задачу его частичной профилактики»⁴. Ниже излагается *мое* видение самой проблемы и феноменологии насилия, в том числе, в современной России⁵. Без претензии на «истину». Как писал великий физик Нильс Бор, «каждое высказанное мною суждение надо понимать не как утверждение, а как вопрос». Да и гносеология *общества постмодерна*, в котором живет современное человечество, нравится это ему или нет, лишний раз подтверждает релятивность, относительность любых наших знаний. История человечества и история науки в который раз приводят к отказу от постижения «Истины». Очевидна *относительность* любого знания. «Есть много истин, нет Истины». Нормальна *полипарадигмальность* любой науки. Более того, «постмодернизм утверждает принципиальный отказ от теорий»⁶. И «Сама «наука», будучи современницей Нового времени (модерна), сегодня, в эпоху постмодерна, себя исчерпала»⁷. Это не означает отказа от научных исследований, но предостерегает от абсолютизации их результатов. При написании предлагаемой монографии автор использовал и свои ранее опубликованные работы, дополнив их сегодняшними представлениями, фактами, литературными источниками.

Приношу неизменную благодарность Н. Н. Проскурниной за критические замечания по рукописи и составленную библиографию.

⁴ Jovaišas K. Smurto šeimoje prevencija: iliuzijų anatomija. Vilnius: Eugrimas, 2009, p. 370.

⁵ Гилинский Я. И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2014. С. 237 – 300; Tsytsarev S., Gilinsky Y. The Roots of Violence in Modern Russia: A Psychocriminological Analysis. In: Adler L., Denmark F. (Eds.) International Perspectives on Violence. Praeger Publishers, 2004, pp. 225 – 240.

⁶ Ядов В. А. Современная теоретическая социология. СПб: Интерсоцис, 2009, С. 20.

⁷ Спиридонов Л. И. Избранные произведения. СПб., 2002. С. 25.

Часть I. Теория и методология

Глава 1. Человек человеку волк?

Волк волку человек.
И. Эренбург

*Человек является единственным видом, в котором борьба носит
уничтожающий характер.*
Н. Тинберген

В буквальном смысле слова *жизненно* важная проблема насилия породила обширнейшую литературу и науку о нем – виолентологию (от лат. *violentia* – насилие) или вайоленсологию (от англ. *violence*). В России только за последние годы издан ряд фундаментальных трудов, посвященных широко понимаемой проблеме насилия (не считая многочисленных работ по отдельным проявлениям социального насилия – насильственной преступности, терроризму, экстремизму, торговле людьми и др.)⁸. При этом само понятие «насилие» остается многозначным и дискуссионным.

Наиболее широким является понимание *насилия как поведения, наносящего вред другим*⁹; как *принуждение, ограничение свободы выбора, «узурпация свободной воли»*¹⁰; как *принудительное воздействие на кого – либо*. Более узкое (юридическое) понимание ограничивает насилие причинением *физического, психического или материального (имущественного) вреда*. Наконец, в самом узком смысле под насилием понимается *причинение физического вреда, нарушение физической неприкосновенности*. Однако, как мы увидим далее, представление о *системном насилии* существенно расширяет наше знание о нем.

Не меньше споров о *природе* насилия: имеет оно преимущественно биологическое, животное происхождение или же – социальное.

Врожденная агрессивность?

Для ответа на этот вопрос необходимо развести природную *агрессивность* и социальное *насилие*. Начнем с агрессивности.

«Какое зверское убийство!», «Нечеловеческая жестокость!», – восклицаем мы, в который раз услышав об особо жестоком преступлении. «Не человек, а зверь!» – говорим о серийном убийце, насильнике, садисте. И в голову не приходит при этом, что мы клеветаем на зверей...

---

⁸ Антропология насилия / ред. В. В. Бочаров, В. А. Тишков. – СПб: Наука, 2001; Аснер П. Насилие и мир: От атомной бомбы до этнической чистки. – СПб: Всемирное слово, 1999; Бассиони К. Воспитание народов убийц. – СПб: Академический проект, 1999; Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Насилие: Социо – политический анализ. – М.: РОССПЭН, 2000; Жижек С. О насилии. – М.: Европа, 2010; Жирар Р. Насилие и священное. – М.: Новое литературное обозрение, 2000; Красиков В. И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. – М.: Водолей, 2010; Кугай А. И. Насилие в контексте современной культуры. – СПб: РНБ, 2000; Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Изд – во Ин – та Гайдара, 2011.

⁹ Tutt N. (Ed.) Violence. – L.: Her Majesty's Stationary Office, 1976, p. 613. Аналогичным образом психологи определяют агрессию, как «намеренное причинение вреда другому» (Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 1. – М.: Педагогика, 1986. С. 366).

¹⁰ Гусейнов А. А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 36.

Вместе с тем, вряд ли случайным является то обстоятельство, что не только на уровне обыденного сознания, но и в научных трудах до сих пор насильственные действия нередко объясняются биологическими, врожденными свойствами человека как представителя рода *Homo Sapiens*: агрессивностью, злобностью и т. п.

Когда встречаешься с категорическими утверждениями: «склонность к агрессивному поведению является неистребимым инстинктом человеческой природы»¹¹, «пагубный по своим размерам агрессивный инстинкт... и по сей день сидит у нас, людей, в крови»¹², «человек по своей природе хищник, врожденным и естественным инстинктом которого является убийство»¹³, «мы менее агрессивны, чем гориллы, но более агрессивны, чем бабуины, шимпанзе и гиены»¹⁴ и т. п. – может возникнуть желание столь же категорично их опровергнуть. Для этого есть два пути: противопоставить врожденной агрессивности врожденный альтруизм (как это делает, например, В. П. Эфроимсон) или же (вслед за Н. П. Дубининым) отрицать врожденность, генетическую запрограммированность и агрессивности, и альтруизма.

Представляется, однако, что проблема заслуживает более пристального рассмотрения.

Во-первых, многие недоразумения возникают из – за различного понимания самого понятия «агрессивность». Если агрессивность отождествляется с «жизненной силой», «жизненной энергией» (Г. Селье), «воинственным энтузиазмом» (К. Лоренц), активной самозащитой и т. п., то, очевидно, агрессивность присуща всем животным и человеку. Но тогда теряется, размывается сама специфика агрессивности, агрессивного поведения. Вряд ли можно считать собственно агрессивным поведение хищника по отношению к жертве, поскольку с не меньшим основанием «агрессором» предстает заяц, поедающий капустные листья или морковь.

Во-вторых, сам факт происхождения человека из животного царства обуславливает то, что человек не может освободиться полностью от свойств, присущих животному, и речь может идти только о том, имеются ли эти свойства в большей или меньшей степени, тождественны ли они или существуют качественные различия.

Поэтому, очевидно, перспективно исследование особенностей (условий) проявления агрессивности человека, а не принципиальный отказ от возможности какого бы то ни было сравнения ее с агрессивным поведением животных. Так, согласно экспериментальным данным, «изоляция щенков и детенышей обезьян от их матерей и сверстников приводит к развитию тяжелой депрессии, общего угнетения, накладывающего неизгладимый отпечаток на всю последующую жизнь животного, его поведение и отношение к окружающему миру. Нередко это вызывает повышенную агрессивность и «антисоциальное» поведение. Отнюдь не отождествляя агрессивность собак и обезьян с поведением человека, можно все же утверждать, что изучение индивидуального развития высших животных представляет несомненный интерес для анализа так называемой «немотивированной» агрессивности подростков, ставившей в тупик криминологов и педагогов»¹⁵.

В-третьих, внутривидовая агрессия как раз в меньшей степени присуща животным, чем человеку. И если К. Лоренц считает, что «внутривидовая агрессия у людей представляет собой совершенно такое же самопроизвольное инстинктивное стремление, как и у других позвоночных животных»¹⁶, то большинство зарубежных авторов подчеркивают исключительность массовой внутривидовой агрессии и убийств среди животных (Е. Артцт, Ш. Волин, Н. Тинберген,

¹¹ Freud S. Arguments for Instinct of Aggression and Destruction // Abstracts of S. Freud. – Parkville, 1971. Vol. XXI, p. 152.

¹² Lorenz K. Das sogenannte Böse – Wien, 1965. S. 64.

¹³ Ardrey R. African Genesis. – NY, 1967, p. 322.

¹⁴ Уилсон Э. «Степень животности» // Диалоги: (Политические статьи о возможных последствиях развития современной науки). – М., 1979. С. 157.

¹⁵ Симонов П. Степень человечности // Диалоги. С. 166. См. также: Ротенберг В.С., Аршавский В. В. Поисковая активность и адаптация. – М., 1984. С. 41.

¹⁶ Lorenz K. On aggression. – N Y, 1967, p. 9.

Р. Хартогс и др.). Во всяком случае, у животных акты внутривидовой агрессии редко заканчиваются смертельным исходом, поскольку действуют надежные механизмы, предотвращающие убийство себе подобных: сигналы «капитуляции» немедленно прекращают самую жестокую схватку. «Агрессивности ради агрессивности у животных, по – видимому, вообще не существует... Борьба между животными одного и того же вида не имеет своей целью смерть противника; как правило, она не сопровождается кровопролитием и прекращается при отступлении одного из конкурентов»¹⁷. Исследования показали, в частности, что борьба между обезьянами (наиболее близкими к человеку по степени агрессивности) ограничивается угрозами, укусами, ранениями соответственно как 1000: 50: 1.

Наконец, и это – главное, агрессия и убийство среди животных всегда *инструментальны*: из – за пищи, из – за самки, при защите детенышей, при «самообороне» (т. е. «*витально обусловлены, необходимы*»), но никогда не превращаются в самоцель, не бывают, как у людей, «просто так», «куражу ради», «по пьянке», «из хулиганских побуждений». Если волк вынужден есть зайца, а заяц – капусту, то человек уничтожает и тех и других «ради спортивного интереса»...

И не заставляет ли задуматься при объяснении человеческих пороков животными инстинктами «тот факт, что намеренное убийство особей своего вида отсутствует в мире животных, а черепа первобытных людей, проломленные каменным топором, находят в одном археологическом слое с первыми каменными топорами»¹⁸.

Со времен первых каменных топоров средства взаимного уничтожения людей непрерывно совершенствовались. По неполным подсчетам, с 3600 г. до н. э. по настоящее время (т. е. более чем за 5600 лет) на Земле было всего 300 мирных лет, свыше 15 тыс. войн, унесших около 3,5 млрд. человеческих жизней. Только за 80 лет ушедшего XX века в мире произошло свыше 150 войн («малых»!), стоивших человечеству более 100 млн. жизней. В книге Р. Насснер приводятся данные Р. Руммела, согласно которым за 87 лет минувшего столетия помимо 39 млн. жертв межнациональных и гражданских войн, около 151 млн. человек были уничтожены собственными правительствами. По оценке N. Kressel, лидеры стран («спонсоры убийств»), принесли в жертву: СССР (1917 – 1987) – 61,9 млн. человек, Китай (1928 – 1987) – 45,2 млн., Германия (1934 – 1945) – 20,9 млн., Япония (1936 – 1945) – 5,8 млн., Камбоджа (1975 – 1978) – свыше 2 млн. человек и т. д.¹⁹ Какие хищники животного мира могут похвастаться столь массовым уничтожением сородичей?!

Насилие в человеческом обществе отличается от агрессивности животных не только масштабами, не только отсутствием «витальной необходимости», но и тем, что оно сопровождается *враждебным отношением*²⁰ к объекту насилия (волк не испытывает «вражды» к зайцу) и далеко не всегда носит инструментальный характер. Итак, *агрессия* присуща всему живому, *насилие* – только человеку. Впрочем, *качественное* отличие насилия от агрессии признается не всеми авторами²¹.

О несостоятельности объяснений человеческой агрессивности и насилия исключительно «животным» происхождением свидетельствует и отношение к детям. Так, «избирательно хорошее отношение к собственному ребенку и неприязнь к ребенку «не своему» (скажем, к ребенку супруги от первого брака) часто объясняют «голосом крови», «животным инстинктом». Между тем многие животные легко принимают к себе детенышей даже других видов, кормят, защи-

¹⁷ Симонов П. Знание – против зла // Диалоги. С. 269.

¹⁸ Симонов П. Ошибки биологического пессимизма // Диалоги. С. 149.

¹⁹ Kressel N. Masse Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. – Plenum Press, 1996, pp. 252 – 253.

²⁰ См. также: Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 1. – М.: Педагогика, 1986. С. 3 6 7.

²¹ Goldstein A., Segall M. (Eds.) Aggression in Global Perspective. – Pergamon Press, 1983, p. 23.

щают, обучают их, как собственных. Отсюда можно сделать вывод, что у человека деление детей на «своих» и «чужих» возникло в ходе общественного развития, а не является результатом его «животного» происхождения»²². Более того, именно у людей наблюдается усиливающаяся агрессивность по отношению к собственным детям, и насилие над детьми (своими и чужими), которое приняло в современном мире катастрофический характер²³.

Так что, в-четвертых, «если проявление истребительной внутривидовой агрессивности – это специфическая особенность человека, то разве не логично искать причины этой специфической черты в том, что характерно именно для человека, что его отличает от животных, а не в том, что его роднит с ними?». Очевидно, что «специфические особенности агрессивности у человека есть следствие специфических же для человека условий жизни, т. е. следствия особенностей той социальной среды, которую он в процессе своего исторического развития для себя создал. При таком понимании проблема причин агрессивности превращается в проблему исследования тех социальных причин, которые агрессивность вызывают»²⁴.

Однако прежде чем перейти к действительно необходимому исследованию социальных причин агрессивности и насилия в обществе, остановимся, по необходимости кратко, на истоках и агрессивности, и насилия в контексте некоторых фундаментальных закономерностей Мира. Это позволит лучше понять подлинное соотношение биологического и социального в изучаемых явлениях, прояснить биологические (естественные, природные) предпосылки социальности.

Немного физики и «метафизики»

И человечество, и человеческое общество – лишь мимолетные этапы, фрагменты Единого мирового процесса самодвижения, самоорганизации материи²⁵.

Самодвижение Вселенной (гипотетически – от первичной сингулярности и Большого Взрыва до «схлопывания»...) осуществляется в двух основных формах: самоорганизации (убывание энтропии, повышение негэнтропии и степени организованности, упорядоченности) и самодезорганизации (возрастание энтропии, хаотичности, снижение уровня организованности). Количественно определяемым критерием направленности развития (изменения) системы может служить энтропия – ее возрастание свидетельствует о преобладании нисходящих, регрессивных, дезорганизационных процессов, а уменьшение – о преобладании восходящих, прогрессивных процессов, повышении уровня организованности.

Процесс *развития* можно представить как уменьшение энтропии и увеличение негэнтропии в развивающейся системе. Уменьшение энтропии возможно за счет накопления информации. При этом, однако, «уменьшение энтропии в самой самоорганизующейся системе может иметь место лишь за счет ее увеличения в среде»²⁶. Поэтому, кстати говоря, в условиях *изоляции* системы (например, человека или же – общества) происходит ее *деградация*...

Единство и взаимодействие (дополнительность) процессов организации и дезорганизации, созидания и разрушения, негэнтропийных и энтропийных, возникновения и гибели

²² Симонов П. Степень человечности // Диалоги. С. 170 – 171.

²³ См., например: Положение детей в мире 2011. Доклад UNICEF // URL: <https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=gmail&attid=0.8&thid=13c0f7c1a1d76d0b&mt=application/pdf> (дата обращения 15.10.2012); Ефремов А. М. Жертвы жестокости – дети. – М., 1985; Пудовочкин Ю. Е. Преступления против несовершеннолетних: криминологический анализ. – Ростов – на – Дону, Ставрополь, 2004; Черная книга преступлений против детей в Санкт – Петербурге. Факты. Документы. Комментарии. – СПб, 1994.

²⁴ Бассин Ф. Тяжкое бремя легких аналогий // Диалоги. С. 51, 55.

²⁵ Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. – М., 1987. С. 11, 19, 63 и др.

²⁶ Маркарян Э. С. Глобальное моделирование, интеграция наук и системный подход // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник. 1980. – М., 1981. С. 14 9.

(«добра» и «зла», «ян» и «инь») – суть проявления объективной диалектики бытия материального мира.

Диалектика энтропийных и негэнтропийных процессов предполагает неравномерное их распределение в пространственно – временном континууме Вселенной. Одним из «островков» относительного преобладания негэнтропийных, информационных процессов стала Земля, породившая эволюционирующий ряд информационно – генерирующих процессов, вершиной которых явилась деятельность общественного человека. Биосфера в целом выступает как антиэнтропийная система.

Так вырисовывается и «функция» человечества в мире, образно сформулированная Н. Винером: «Мы плывем вверх по течению, борясь с огромным потоком дезорганизованности, который, в соответствии со вторым законом термодинамики, стремится все свести к тепловой смерти, всеобщему равновесию и одинаковости... В этом мире наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы»²⁷. В рассматриваемом отношении общество представляет собой вышшую – из известных – форму развития негэнтропийной тенденции живой природы. Как же осуществляется эта тенденция?

Существование любой системы (в том числе общества) есть процессирующее тождество сохранения и изменения. Чем выше уровень организации (организованности) системы, тем динамичнее ее существование и тем большее значение приобретают *изменения как «средство сохранения»*. Неравновесность, неустойчивость становятся источником упорядоченности (по И. Пригожину, «порядок через флуктуации»). Впрочем, об этом догадывался еще Тит Лукреций Кар, который в своей философской поэме «*De rerum natura*» («О природе вещей») провидел роль *clinamen* (отклонений) как *conditio sine qua non* (необходимое условие) эволюции мироздания. Он писал об атомах («телах изначальных»):

Если ж, как капли дождя, они вниз продолжали бы падать,
Не отклоняясь ничуть на пути в пустоте необъятной,
То никаких бы ни встреч, ни толчков у начал не рождалось,
И ничего никогда породить не могла бы природа²⁸.

Важнейшим элементом механизма сохранения / изменения служит адаптация (как приспособление к среде и «приспособление» среды). В соответствии со вторым законом термодинамики и принципом возрастания энтропии, повышение уровня организованности системы возможно лишь за счет увеличения энтропии среды, ее дезорганизации («*принцип Расплаты*»²⁹). В целом эволюция Вселенной (во всяком случае, в известной нам части «нашей» Галактики) идет пока по пути усложнения (повышения степени организованности) вновь возникающих, «порождаемых» материей уровней ее организации. Это усложнение, появление все более высоко организованных систем также происходит за счет дезорганизации среды, средовых систем. Проще (и примитивнее) говоря – социум за счет природы. Чем выше уровень организованности системы, тем более энергичны, активны способы ее адаптации.

Возрастание организованности биологических систем происходит следующим образом: «более активные особи, лучше использующие ресурсы внешней среды для роста, жизни и размножения, вытесняют в процессе смены поколений менее активных особей. Более устойчивые особи, т. е. лучше противостоящие различным вредным влияниям, также вытесняют путем преимущественного размножения менее устойчивых особей. В обоих случаях более упорядо-

²⁷ Винер Н. Я – математик. – М., 1967. С. 311.

²⁸ Лукреций. О природе вещей. – М., 1958. С. 68.

²⁹ Принцип, сформулированный автором много лет назад.

ченные формы организации с более низким уровнем энтропии вытесняют менее упорядоченные формы организации с более высоким уровнем энтропии»³⁰.

«Возвышение» от физического уровня организации материи до биологического означает появление новых, более эффективных способов адаптации. В процессе дарвиновского (со всеми последующими уточнениями) естественного отбора и «борьбы за существование» повышается информационное содержание, «емкость» биологических систем, степень их организованности. Однако за все приходится платить! «Сохранение всегда достается ценой гибели подавляющей массы его представителей... Для противодействия энтропии хищник вынужден истреблять травоядных животных... Следовательно, хищник как «самоорганизующаяся система» живет за счет дезорганизации травоядных, вызывая эту дезорганизацию в масштабе, оставляющем далеко позади масштаб собственной самоорганизации»³¹. Надо ли напоминать, что травоядные столь же активно дезорганизуют мир растений.

Поэтапность развития от агрессии биологических систем к человеческому насилию показана В. И. Красиковым³².

Появление в процессе эволюции общественного человека – «средства» самопознания Мироздания (не в этом ли глобальный, космический «смысл» и «предназначение» Человечества?³³) – означало переход на новый, социальный уровень ее организации. Однако эта новая система – «общество» – есть результат все того же Единого мирового процесса самоорганизации материи, его этап, момент Истории Вселенной, подчиняющийся ее фундаментальным законам. Сверхадаптация общественного человека осуществляется путем активного «силового» изменения среды. Биологическая «борьба за существование» перерастает в «сверхборьбу за сверхсуществование».

³⁰ Шмальгаузен И. И. Кибернетические вопросы биологии. – Новосибирск, 1968. С. 139.

³¹ Камшилов М. М. Эволюция биосферы. – М., 1979. С. 216.

³² Красилов В. И. Насилие.... Указ. соч. С. 26 – 27.

³³ Понятия «смысл», «предназначение» употребляются метафорически в сугубо секулярном, не религиозном смысле – Авт.

Глава 2. Социальное насилие

Человек отличается от животных именно тем, что он убийца.
Э. Фромм

Человеческое, слишком человеческое...

Дарвинская триада (изменчивость – наследственность – отбор) фиксирует новый, более эффективный «способ» адаптации живых существ по сравнению с «мертвой материей», физическим (доббиологическим) уровнем организации мироздания. Род *Homo Sapiens* венчает биологическую пирамиду и служит «ступенью» перехода к более высокому уровню организации материи – социальному. При этом человек остается биологическим существом и несет с собой выработанное в процессе эволюции «наследство», включая агрессивность, которая была ему необходима для того, чтобы выжить и утвердиться на планете среди рогатых, зубастых и клыкастых... Биологическое происхождение агрессивности как эволюционно выработанного средства адаптации и выживания обосновывается современной социобиологией (А. Walsh, Е. Wilson и др.³⁴).

На начальных стадиях антропосоциогенеза «действовал обычный стадный закон: лучшие куски доставались самым сильным, самок и детенышей защищали, а старых и немощных представителей отдавали в качестве естественной дани на съедение волкам, гиенам и всем тем, кто охотился на двуногих наземных полуобезьян»³⁵.

Но постепенно, с развитием искусственных орудий и общественных способов производительной деятельности, все большую ценность приобретают носители знаний, навыков и умений – первобытные умельцы и мудрецы. И тогда наряду с агрессией и насилием в обществе начинает действовать запрет «не убий!» как эволюционное «средство» выживания не только «сильнейших», но и «умнейших». Как пишет академик Н. Н. Моисеев, «принцип «не убий!» разрешал противоречия между «сильным» и «умным» в пользу последнего... Жизненной необходимостью стада пралюдей сделалась потребность защищать не только самок и потомство, но и тех, кто был носителем знаний и мастерства или мог бы им стать»³⁶. С точки зрения цитируемого автора, возникновение этого запрета и положило предел морфологическому совершенствованию человеческого организма, предел внутривидовому отбору. Развитие рода «человек» перешло на новую – социальную ступень. Адаптация человека как биологического существа «доразвилась» до сверхадаптации социального организма – *общества* (которое само возникло и функционирует как «средство» адаптации *Homo Sapiens*!). Агрессивность, уходящая корнями в биологию и «подчиняющаяся» биологическим закономерностям, является теперь в форме *социального насилия, обусловленного закономерностями социального развития*, к рассмотрению которых и привел нас исследуемый сюжет.

Общество – та форма, которая служит «средством», обеспечивающем человеческому роду осуществление его «миссии» в мироздании: самопознание материи ее продуктом! Приглядимся пристальнее к тому, как в едином эволюционном процессе становится социальная форма организации материи, как обеспечивается механизм сверхадаптации общественного человека и – какой ценой расплачиваются человек, общество, природа за «сверхмогущество» ее «венца»... За рамками настоящей работы остается вопрос о возникающей в современном

---

³⁴ См., например: Walsh A. Biosociology: An Emerging Paradigm. – Praeger Publishers, 1995; Walsh A. Biosocial Criminology. Introduction and Integration. – Cincinnati OH: Anderson Publishing Co., 2002.

³⁵ Моисеев Н. Н. Указ. соч. С. 110.

³⁶ Там же, С. 111.

обществе постмодерна проблема: киберсистема, создаваемая человечеством, как новая ступень, «сверхвенец» развития Вселенной...

Если способ существования органической, живой материи – суть активность вообще, то в процессе антропосоциогенеза становится предметная коллективная сознательная деятельность как способ существования общественного человека. Человеческая деятельность выступает инобытием биологической активности.

«Орудием» природы, «заставляющим» общественного человека в процессе предметной производительной деятельности выполнять свою негэнтропийную функцию, служат потребности, точнее, – неудовлетворенные потребности, – *нужда* (не в этом ли проявляется гегелевская «хитрость мирового разума», который «творит» Историю руками человека?). Именно она определяет содержание деятельности.

Но человек присваивает продукты природы, а также ее «переделывает», трансформирует, модифицирует, творит «вторую природу» в процессе совместной коллективной деятельности. Так что отношения между человеком и природой – лишь одна сторона человеческой деятельности. Другая же сторона – отношения человека к человеку, общественная коллективная связь людей. Способ связи, отношения между индивидами в процессе их совместной материальной и духовной деятельности³⁷, та форма, в которой эта деятельность протекает, – и составляет сущность социального. Выражением совокупности этих связей и отношений выступает общество как целое, как система.

Люди и их совместная деятельность составляют естественную предпосылку общества как системы. Но, раз возникнув, общество развивается по законам целого. И одним из свойств социальной системы является экспансия, т. е. тенденция к количественному увеличению, росту, расширению и распространению на среду своего экономического, политического, идеологического влияния, в том числе – насильственными средствами³⁸.

Важнейшим элементом механизма сохранения – изменения служит *адаптация* (как приспособление к среде и «приспособление» среды). Чем выше уровень организованности системы, тем более энергичны, активны способы ее адаптации.

В результате естественного отбора и «борьбы за существование» повышается информационное содержание, «емкость» биологических систем, степень их организованности³⁹.

«Сверхадаптация» общественного человека осуществляется путем активного *силового* изменения среды. *Биологическая* «борьба за существование» перерастает в *социальную* «сверхборьбу за лучшее существование („сверхсуществование“).

Возможно, основное отличие сверхадаптации социальных систем от адаптации биологических заключается в том, что общество не столько приспосабливается к среде, сколько приспособляет ее к себе. Другое дело, что рано или поздно такое «подчинение» среды, природы оборачивается против общества и человека экологическими, техногенными катастрофами.

Все свои действия человек совершает, в конечном счете, ради удовлетворения тех или иных потребностей: *биологических*, или витальных (в пище при чувстве голода, в питье при жажде, в укрытии от неблагоприятных погодных условий, сексуальных или в продолжении рода); *социальных* (в статусе, престиже, самоутверждении, самореализации и др.); *духовных*,

³⁷ Автор, правда, не очень понимает, что такое «духовность», «духовный», но следует в данном случае сложившейся традиции...

³⁸ Подробнее см.: Айдинян Р.М. Введение в теорию социальной организации: Учебное пособие. – Л., 1980. С.116–119. Вообще же экспансия, как овладение средой, также присуще миру живого (см. работы В. И. Вернадского, А. А. Ухтомского, а также: Грант В. Эволюция организмов. – М., 1980. С. 333 и след.).

³⁹ Мы оставляем в стороне споры специалистов по поводу «борьбы» в дарвиновском учении и т. п. Современные понимания эволюции и естественного отбора см.: Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. – М.: Наука, 1987; Чайковский Ю. К общей теории эволюции // Путь. 1993. № 4. С. 101 – 141.

или идеальных (поиск смысла жизни, цели существования, бескорыстное стремление к знанию, творчеству, служению другим людям).

Следует заметить, что хотя в животном мире преобладают *биологические* потребности и возможна «борьба» за *их* удовлетворение, но у животных, живущих стадами, семьями, стаями, существуют и зачатки «социальных» потребностей. И удовлетворение этих потребностей (в статусе, самоутверждении) нередко происходит в результате силовых действий. Так, в борьбе происходит смена вожака волчьей стаи, львиного прайда, семейства обезьян. «Потеря лица», престижа может вести к тяжелым последствиям. Когда главу семейства обезьян покормили его любимыми продуктами, но *после* членов семейства, у него случился инфаркт. Даже в семействе куриных вылупившиеся из яиц цыплята немедленно определяют свой «статус». Цыпленок первого ранга может клевать всех собратьев, его же – никто. Цыплята второго ранга могут клевать цыплят нижних рангов, но не могут – цыпленок первого ранга, и т. д. Американские ученые на этом основании разработали «теорию клевков», вполне применимую к человеческому обществу...

Известна роль *социально – экономического неравенства* в генезисе преступности⁴⁰. В основе социального насилия лежат те же механизмы. При этом в детерминации различных форм социального насилия особую роль играют неудовлетворенные *социальные* потребности: в престиже, статусе, самоутверждении. Если неудовлетворенная витальная потребность приводит к «борьбе за существование», то неудовлетворенная социальная потребность – к «сверхборьбе за сверхсуществование». Насилие выступает раньше и чаще других средств и способов *самоутверждения*, когда в силу различных причин недоступны общественно полезные (или приемлемые), творческие способы. И тогда «как предельный случай самоутверждения – убийство»⁴¹. Даже казалось бы такое «очевидное» по своей мотивации преступление как изнасилование часто служит способом самоутверждения, а не удовлетворения витальной – сексуальной потребности⁴². (Это теоретическое положение нашло подтверждение в результатах эмпирического исследования: лишь 8,5 % опрошенных лиц, виновных в изнасиловании или покушении на изнасилование, указали на половое влечение как мотив преступления⁴³). Вообще «насилие имеет место тогда, когда создается препятствие для полной соматической или духовной реализации потенций человека» (J. Galtung)⁴⁴.

«Власть» вожака стаи (стада) животных трансформируется во властные структуры человеческого общества, начиная с рода – племенных вождей. А *власть* – всегда порождение и источник *насилия*. Исторически позже возникает еще одна форма удовлетворения потребности в самоутверждении: накопление *богатства*. Этот процесс подробно рассмотрен американским экономистом Т. Вебленом. Он, в частности, пишет: «Самыми высокими почестями, которые только можно заслужить у народа, все еще остаются почести, добытые проявлением чрезвычайных хищнических склонностей на войне или квазихищнических способностей в государственном управлении; но просто для приобретения приличного положения в обществе эти средства к достижению славы заменились приобретением и накоплением материальных ценностей»⁴⁵. Итак, *Насилие* (война), *Власть* (государственное управление), *Богатство* (материальные ценности) – вот основные исторически сложившиеся распространенные «сред-

⁴⁰ Подробнее см.: Гилинский Я. И. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии. В: Российский ежегодник уголовного права. 2007. – СПбГУ, 2008; Он же. Социально – экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова). В: Экономика и право / ред. А. Заостровцев. – СПб: Наука, 2009. С. 169 – 188.

⁴¹ Туровская М. «Преступления века» и «массовая цивилизация» // Новый мир. 1968. № 7. С. 236.

⁴² Фокс В. Введение в криминологию. – М.: Прогресс, 1980. С. 241 – 242.

⁴³ Гилинский Я., Позднякова М., Рыбакова Л. Криминологическая характеристика изнасилований. В: Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями. – М.: ИС РАН, 1988. С. 150 – 160.

⁴⁴ Цит. по: Денисов В. В. Социология насилия. – М.: Политиздат, 1975. С. 58.

⁴⁵ Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. С. 80.

ства» самоутверждения (приобретения почестей и почета) общественного человека. Есть, правда, альтернатива: в терминологии Т. Веблена – «инстинкт мастерства» (творчество!), который «рождает чувство отвращения к бесполезному существованию или пустым расходам». «Инстинкт мастерства», творческий талант дан каждому, но, увы, не каждым востребован. А еще чаще – не востребован обществом. И тогда это – личная трагедия, приводящая к социально – трагическим последствиям. Ибо неудовлетворенная потребность в самоутверждении, самореализации в творчестве – источник насилия по отношению к «другим» или саморазрушающего поведения, ретретизма (пьянство, потребление наркотиков, самоубийство).

Если насильственное разрешение конфликтов в первобытном обществе еще близко по своей природе агрессивному поведению животных, то с общественным разделением труда и сопровождающей его дифференциацией общества насилие все больше приобретает характер *социального*, как способ «разрешения» общественных конфликтов и антагонизмов, принуждения некоторых классов (слоев, групп, каст) к деятельности, не соответствующей их интересам, как средство «разрешения» межкультуральных, межэтнических, межконфессиональных, межличностных конфликтов. И тогда социальное насилие становится как средством осуществления внешней (война) и внутренней (подавление бунтов, восстаний и революций, репрессии против классовых, идеологических или иных противников) политики государства, так и средством борьбы за власть (революция и контрреволюция).

При этом государство монополизировало право на умерщвление – от смертной казни и внесудебной расправы до военных действий.

Насилие приобретает *системный* характер, оно пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, включая, повторяю, «культурное насилие», «воспитательное насилие», «насилие экономики», «структурное насилие», криминальное насилие (насильственная преступность), правовое («право поражено насилием»). Фактически «насилие встроено в систему»⁴⁶.

Насилие сопровождает человечество всю его историю. Более того, прослеживается эскалация насилия и средств его осуществления: от войн «племени против племени» с помощью топора, копий и стрел до мировых войн XX столетия и угрозы тотального самоуничтожения человечества («омницид») в ходе применения современных средств массового уничтожения. *Насилие как адаптационное средство, выйдя из – под контроля, угрожает самому существованию человечества.*

Правда, не следует идеализировать доклассовые отношения в первобытном обществе. Наряду с межплеменными войнами насилие служило средством «разрешения» индивидуальных конфликтов (из – за женщины, по поводу статуса и др.). «Излишняя», с точки зрения коллектива, удача одного из сородичей вызывала недовольство других вплоть до требования убить «удачника» (читатель, Вам это ничего не напоминает?). Впрочем, можно было и откупиться, устроив праздник за счет «излишка» приобретенного («делиться надо»...). А мужские тайные союзы выступали как «весьма действенное средство насильственного утверждения в обществе мужского господства и подавления женской части населения»⁴⁷.

Насилие – лишь одна из форм онтологически нерасчлененной человеческой деятельности по удовлетворению потребностей. Специфика насилия – принуждение других к определенной деятельности (или бездействию) или силовое же сопротивление принуждению.

Американские исследования 186 обществ и культур, последствий вьетнамской войны, а также отечественные – афганской и чеченской войн, свидетельствуют о том, что *интенсивность агрессивности в обществе прямо пропорциональна его участию в войнах*. В обществе, не ведущем войны, уровень насилия в течение десяти лет падает⁴⁸.

⁴⁶ Бекер Д. Понятие системного насилия. В: Проблемы теоретической социологии. – СПб: Петрополис, 1994. С. 68.

⁴⁷ См.: История первобытного общества. Эпоха классовообразования. – М., 1988. С. 149 – 151, 238.

⁴⁸ См.: Социальная работа по профилактике и преодолению насилия, агрессии в молодежной среде. – М., 1996. С. 57.

Социальное насилие многолико: от семейного до межгосударственного, от индивидуального до массового (например, геноцид), от легального (от имени государства) до криминального, от инструментального до немотивированного и т. д. Соответственно существует множество типологизаций и классификаций социального насилия⁴⁹.

Переход от биологических закономерностей органического мира к социальным законам развития общества означал, в частности, что на смену биологическому наследованию (не отметив его, но существенно «потеснив»), пришло социальное наследование: механизм накопления, хранения и передачи от человека к человеку и от поколения к поколению социально значимой информации (а, следовательно, обеспечение развития негэнтропийных процессов).

Таким наиболее общим вне – (над)биологическим механизмом накопления, хранения и передачи информации выступает *культура* как специфически человеческий способ деятельности, обеспечивающий социальное наследование⁵⁰. «Культура» не должна восприниматься оценочно, как нечто обязательно позитивное. Это – всеобщий способ деятельности, результатами которого являются как «Мона Лиза» Леонардо да Винчи, так и современные граффити или надписи на заборах, как труды А. Эйнштейна, так и школьные шпаргалки, как возвышенная любовь, так и порнография, как подвиг, так и преступление (вспомним «Преступление и кара, подвиг и награда» П. Сорокина⁵¹).

Культура служит вне – (над)биологическим способом аккумуляции и трансляции человеческого опыта и, тем самым, – специфическим негэнтропийным адаптационным механизмом. Так, «нормы, а тем самым типы и частота агрессивных форм поведения задаются культурой»⁵². Переход с биологического уровня на социальный приводит к изменению механизма наследования, к «вытеснению» генетического наследования культурой, а также к переходу от отбора индивидов («сильнейших») к отбору форм организации и форм деятельности.

Культура вбирает подчас аксиологически противоположные, но адаптивные, функциональные способы (формы, образцы) деятельности, «отбираемые» в процессе эволюции. Это – чрезвычайно важное положение, объясняющее, почему многовековая «борьба» с некоторыми аксиологически неприемлемыми, порицаемыми явлениями (потребление алкоголя и наркотиков, корыстные и насильственные преступления, коррупция, проституция и т. п.) не приводит к их «уничтожению», «преодолению». Очевидно, что сохраняющиеся формы социальной «патологии» (негативные девиации) объективно *функциональны*, выполняют явные или латентные функции, и только поэтому не элиминированы в процессе эволюции общества («сбалансированный полиморфизм»)⁵³. И в этом смысле – «все действительно разумно» (Гегель)!

Сказанное полностью относится и к различным проявлениям социального насилия (от революций до контрреволюций, от войн до насильственной преступности). «Эволюционная мясорубка работает социальными ножами с той же эффективностью, что и биологическими»⁵⁴.

Однако в целях лучшего понимания социальных причин насилия продолжим наш анализ.

Исторически развивающаяся способность человека производить больше, чем это необходимо для самовоспроизводства, роста населения, производительности труда, потребностей

⁴⁹ Дмитриев А. В., Залысин И. Б. Указ. соч. С. 30 – 57.

⁵⁰ Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. – Ереван, 1969; Он же. Теория культуры и современная наука (логики – методологический анализ). – М.: Наука, 1983.

⁵¹ Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – М.: Астрель, 2006.

⁵² Хекхаузен Х. Указ. соч. С. 369.

⁵³ О некоторых функциях преступности см.: Гилинский Я. И. О системном подходе к преступности // Правоведение. 1981. № 5. С. 49 – 56; Рейсман В. М. Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы» и реформы. – М., 1988; Яковлев А. М. Социология экономической преступности. – М., 1988.

⁵⁴ Левитин К. Горящий светильник. – М., 1983. С. 201.

приводит к общественному разделению труда. Значение общественного разделения труда в истории человечества трудно переоценить. Благодаря разделению труда и основанной на нем специализации стали возможны достижения материального и духовного производства, составившие золотой фонд цивилизации и основу общественно – экономического и научно – технического прогресса.

Следует заметить, что, вообще одним из важнейших критериев прогрессивного развития системы, повышения уровня ее организованности (а, следовательно, уменьшения энтропии) служит дифференциация, усложнение структуры, разнообразие составляющих систему элементов. Закон необходимого разнообразия У. Р. Эшби действует и в социальном мире. Это хорошо понимают зарубежные исследователи, в частности активный сторонник повышения уровня социального многообразия О. Тоффлер⁵⁵. Это особенно важно подчеркнуть сейчас, когда необходимо формирование нового мышления, освобождение его от догматических оков и заволакивающих стереотипов казарменного равенства, всеобщего единомыслия и единодушия, десятилетиями культивируемого в СССР «синдрома единообразия».

Социальная дифференциация как следствие углубляющегося разделения труда была и остается объективно прогрессивным процессом. Вместе с тем, как все в этом мире, она влечет негативные последствия (которые, в свою очередь, служили стимулом прогрессивных изменений как результата «разрешения» противоречий). Так, неодинаковое положение классов и социальных групп в системе общественных (и прежде всего – производственных) отношений, в социальной структуре общества, обуславливает социальное неравенство, различия в реальных возможностях удовлетворять свои потребности.

Неизбежное социальное (статусное) и экономическое неравенство с неизбежностью обуславливают насилие как метод (способ) борьбы индивидов за повышение (сохранение) статуса и экономического положения.

Общественное разделение труда, как расщепление универсальной, тотальной деятельности, породило и иные, негативные последствия: односторонность, частичность развития работника; социальную дифференциацию и неравенство; отчуждение самой деятельности (процесса труда), его условий и результатов (продукта труда), общественной жизни и ее институтов (экономических, политических, идеологических); отчуждение всего социального мира, который становится чуждым человеку, выступает как внешняя принудительная и слепая сила. (К. Маркс не всегда неправ...).

Наконец, отчуждение человека от человека. Личные отношения между членами первобытного общества сменяются вещными (опосредованными вещами). Выражением «овеществленных» форм общения служат деньги. Все продается, и все покупается в мире вещей и денег. Не случайно Г. Зиммель отмечал, что природа денег и проституция аналогична, что в условиях товарно – денежных, вещных, отчужденных отношений проституция становится символом межличностных отношений. Деньги губят природу вещей одним своим прикосновением⁵⁶. Обезличивание человеческих отношений, их овеществление приводит и к обесценению человека, его жизни, здоровья, достоинства.

У меня давно сложилось подозрение в *принципиальной невозможности создать относительно благополучное общество, без массового насилия, без страшного неравенства (социального, экономического, расового, этнического и т. п.), без «войны всех против всех»*⁵⁷.

⁵⁵ См.: Тоффлер О. Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986. С. 250 – 275; Он же. Раса, власть и культура // Там же. С. 276 – 288; Он же. Прогнозы и предпосылки // Социологические исследования. 1987. № 5. С. 118 – 131.

⁵⁶ Simmel J. Philosophic des Geldes. – Berlin, 1958. S. 413, 433.

⁵⁷ Гилинский Я. Онтологический трагизм бытия, или Размышления малицириста // Молодежь: Цифры. Факты. Мнения. 1995, № 2 – 3. С. 197 – 212; Он же. Новый мир? Размышления профана (2011) (URL: <http://crimpravo.ru/blog/1016.html>, URL: <http://polit.ru/lectures/2011/05/06/bauman.html>); Он же. «О, дивный новый мир!» О. Хаксли сегодня. В: Россия в меняющемся

Какие бывают «насилия»?

Одна из задач любой науки – классификация разновидностей ее объекта. Не представляет исключения и вайоленсология – наука о насилии. И, как всегда, имеется множество классификаций по разным (а также по одному и тому же) основаниям.

Можно различать проявления социального насилия по их *содержанию*. Так, мы можем говорить о насильственных преступлениях, включая «подвиды» – преступления против жизни, преступления против здоровья, сексуальное насилие, «преступления ненависти» и др.; о торговле людьми; терроризме; военном насилии; экономическом насилии и т. д.

Представляется теоретически и практически важным классифицировать насилие по *сферам* жизнедеятельности: в политике, экономике, семье, в быту, медицине, образовании, науке, искусстве, литературе. Сюда же, очевидно, относится насилие в сфере религиозных отношений⁵⁸.

Возможна классификация по *субъектам* насилия: физические лица, юридические лица, политические и общественные организации, государства.

И по *объектам* насилия: мужчины, женщины, дети и подростки, пенсионеры, инвалиды, животные, расы, этносы, конфессии, государства.

Конечно же, любая классификация относительна, может быть расширена или сужена, иначе поименована и т. п.⁵⁹

Одну из наиболее развернутых классификаций *политического* насилия можно найти в книге А. В. Дмитриева и И. Ю. Залысина⁶⁰

мире: вызовы и возможности. Сборник материалов. Т. 1. СПб: РТА, 2012; Он же. Ultra pessimo, или Homo Sapiens как страшная ошибка природы (2013) // URL: <http://www.cogita.ru/cogita/a.n-alekseev/publicacii/a.n.alekseeva/homo-sapiens-kak-strashnaya-oshibka-prirody>, 2013.

⁵⁸ Прекрасный образец такого исследования: Жирар Рене. Насилие и священное. – М.: Новое литературное обозрение, 2000.

⁵⁹ Дерлугьян Г. Что социолог может толком сказать о насилии? Контртезисы // Логос № 3 (87). 2012. С. 3 – 8.

⁶⁰ Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Насилие: социо – политический анализ. – М.: Росспэн, 2000. С. 30 – 57.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.